

УДК: 32.019.51:327(674.1)

Азиза УМАРКУЛОВА,
Докторант Координационно-методического центра
по вопросам новейшей истории Узбекистана при АН РУз
E-mail: azizaumarkulova1@gmail.com

На основе рецензии д.и.н, Р.Ю. Турсуновой

ИНСТРУМЕНТЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация

В статье была проанализирована институционализация «мягкой силы» как стратегического ресурса влияния в международной политике. Исследование опиралось на междисциплинарный подход и охватывало практики ряда стран - от централизованных до гибридных и нишевых моделей. Особое внимание уделялось культурным агентствам, образовательным программам и цифровым платформам как ключевым инструментам soft power. Также были предложены рекомендации для стран постсоветского пространства, включая Узбекистан.

Ключевые слова: мягкая сила, институционализация, культурная дипломатия, стратегическая коммуникация, Узбекистан.

SIYOSATSHUNOSLIKDA “YUMSHOQ KUCH” NI AMALGA OSHIRISH VOSITALARI VA MEXANIZMLARI

Annotatsiya

Maqolada “yumshoq kuch” tushunchasining institutsional shakllanishi va uning xalqaro siyosatda ta'sir vositasi sifatidagi roli tahlil qilindi. Tadqiqot turli mamlakatlar tajribasiga asoslangan holda madaniy agentliklar, ta'lim dasturlari va raqamli platformalarning ahamiyatini ko'rsatdi. Post-sovet davlatlari, jumladan O'zbekiston uchun amaliy tavsiyalar ishlab chiqildi.

Kalit so'zlar: yumshoq kuch, institutsionalizatsiya, madaniy diplomatiya, strategik kommunikatsiya, O'zbekiston.

TOOLS AND MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF “SOFT POWER” IN POLITICAL SCIENCE

Annotation

The article explored the institutionalization of soft power as a strategic tool in international politics. Using a comparative and interdisciplinary approach, it analyzed national models and highlighted the role of cultural agencies, educational programs, and digital platforms. Practical recommendations were formulated for post-Soviet countries, including Uzbekistan.

Key words: soft power, institutionalization, cultural diplomacy, strategic communication, Uzbekistan.

Введение. В условиях трансформации международной системы, всё более ориентированной на символическое воздействие, культурную конкуренцию и борьбу за интерпретацию глобального порядка, традиционные формы давления постепенно уступают место более тонким и гибким стратегиям влияния. Одной из ключевых категорий современной политической науки становится «мягкая сила» — способность воздействовать не через принуждение, а посредством культурной привлекательности, ценностных ориентиров и убедительной политической репрезентации.

С момента появления в работах Дж. Ная в 1990-х годах концепт soft power претерпел значительное развитие: он институционализировался, адаптировался к цифровой среде и стал неотъемлемой частью внешнеполитических доктрин [10]. Сегодня «мягкая сила» — это не только инструмент влияния, но и выражение стратегического стиля государства, способного выстраивать зоны символического признания за пределами прямого контроля [7]. Настоящее исследование фокусируется на механизмах и институциональных форматах реализации soft power, раскрывая её роль как технологии управления вниманием и доверительным капиталом в условиях глобальной медианеперегрузки [1].

Анализ литературы по теме. Концепция «мягкой силы» возникла на пересечении неолиберальной теории и практической переоценки форм международного влияния. В начале 1990-х годов Дж. С. Най предложил модель воздействия, основанную не на принуждении, а на привлекательности культуры, ценностей и

внешнеполитического имиджа [9]. Его подход представлял собой отход от классического реализма и попытку интерпретировать власть как способность формировать предпочтения через добровольное признание.

Со временем soft power приобрела статус самостоятельного стратегического ресурса, первоначально ассоциируясь с культурной дипломатией, гуманитарными миссиями и образовательным обменом. С начала XXI века концепт расширяется за счёт цифровых коммуникаций, стратегических нарративов и информационных технологий. В переработанной модели Дж. С. Ная ключевыми компонентами выступают культура, политические ценности и внешняя политика, воспринимаемая как справедливая. Параллельно возникает идея «умной силы» — как синергии soft и hard power, активно обсуждаемая в трудах Р. Кеохейна, Дж. Голдстейна, А. Вендта и С. Уолта [9].

В российской научной мысли категория «мягкой силы» переосмысливается не только как инструмент внешнего влияния, но и как ресурс внутренней легитимации. В.В. Рашенко акцентирует внимание на её институционализации [7], А.Е. Сагындыкова — на терминологической неопределённости [8], а Д.Д. Чебыкин — на потенциале soft power в укреплении национального единства через межкультурную коммуникацию [9].

В странах Восточной Азии наблюдается специфическая трансформация концепции. В Китае она реализуется в связке с экономическим влиянием и культурной экспансией, что отражено в инициативе BRI и

деятельности Институтов Конфуция. Япония использует культурные индустрии и бренд «Cool Japan», а Южная Корея опирается на феномен Hallyu, превратив массовую культуру в глобальный канал влияния.

Узбекская академическая традиция также активно интегрирует понятие soft power. А. Мамаджонов [3] и А.М. Низамов [4] подчёркивают её значимость для укрепления региональной субъектности, продвижения исламского наследия, культурной идентичности и реформаторской модели внешнеполитического позиционирования Узбекистана вне рамок жёсткой геополитической конкуренции.

Методология исследования. Исследование «мягкой силы» опирается на междисциплинарный подход, сочетающий политологический, институциональный и культурологический анализ. В качестве теоретической базы выступают неolibеральные и конструктивистские парадигмы, позволяющие рассматривать soft power как инструмент формирования привлекательного образа государства через ценности, нормы и культурные коды.

Методологическая основа включает системный и сравнительный подходы, обеспечивающие целостное понимание «мягкой силы» как совокупности ресурсов и механизмов, встроенных в внешнеполитическую стратегию. Особое внимание уделяется кейс-анализу практик США, Китая, России, Великобритании и Чехии [8], различающихся по масштабам влияния и способам институционализации.

В работе использованы методы содержательного анализа внешнеполитических доктрин, программ культурной дипломатии, а также данные международных индексов (Global Soft Power Index) [11]. Это позволяет оценить не только содержательную структуру стратегий, но и их воспринимаемую эффективность в глобальном контексте.

Анализ и результаты. Современное понимание «мягкой силы» предполагает её функционирование не как совокупности абстрактных ценностей или спонтанных культурных проявлений, а как результат системной мобилизации нематериальных ресурсов посредством специализированных инструментов. Ключевые ресурсы

Таблица 1. Сравнительная характеристика институциональных стратегий реализации «мягкой силы» в зарубежной практике

Страна	Ключевые институты	Основной фокус	Форма институционализации
Великобритания	British Council, BBC, Commonwealth	Образование, язык, культура, правовая дипломатия	Законодательно закреплённые программы, культурные агентства
Россия	Россотрудничество, Фонд "Русский мир", RT	История, язык, традиционные ценности, информационное влияние	Полугосударственные структуры, поддержка через СМИ
Китай	Институты Конфуция, BRI, CGTN	Экономика, инфраструктура, язык, цивилизационный нарратив	Государственные инициативы, сетевые институты
Япония	Japan Foundation, Cool Japan, NHK World	Культурные индустрии, язык, инновации, образовательная политика	Координированные госпрограммы и публичная дипломатия
Южная Корея	Korea Foundation, KOCIS, Arirang TV	К-поп, кино, язык, цифровая дипломатия	Государственные агентства, контентная экспансия
США	Fulbright, USAID, Voice of America, Hollywood	Ценности демократии, массовая культура, цифровые технологии	Федеральные агентства, транснациональные медиа и НПО
Чехия	Чешский центр, МИД, культурные фонды	Гуманитарные ценности, культура, посттоталитарная идентичность	Нишевые государственно-общественные проекты
Казахстан	Kazakh Culture Days, Nazarbayev University, Qazaq TV	Культура, язык, тюркская интеграция, образовательный экспорт	Гибридные форматы: госпрограммы и инициативы университетов

Наиболее очевидной формой институционального оформления «мягкой силы» являются культурные и образовательные агентства, создающие устойчивые каналы гуманитарного взаимодействия. Такие структуры, как British Council, Korea Foundation, Japan Foundation, Институты Конфуция, Goethe-Institut и Россотрудничество, выступают не только ретрансляторами культуры, но и модераторами символических границ [12; 13; 14; 15; 16; 17]. Они действуют в логике нормативной дипломатии, опираясь на адаптацию к локальным контекстам, и становятся элементами распределённой дипломатии, где культура функционирует как пространство конкурентного символического присутствия.

— культура, образование, язык, идеология, религия, информационные потоки - обретают политическую действенность только в том случае, если они институционализированы и встроены в воспроизводимую инфраструктуру гуманитарного и символического влияния. Инструментами такой трансформации выступают организационно оформленные формы транслирования: культурные агентства, академические программы, информационно-медийные каналы, цифровые коммуникационные платформы, дискурсивные практики и правовые форматы, через которые осуществляется управление восприятием [5].

Механизмы реализации этих ресурсов строятся на сочетании программного, организационного и сетевого уровней. Программный уровень предполагает наличие нормативно закреплённых стратегий и приоритетов, организационный - наличие устойчивых институтов, обеспечивающих системность воздействия, а сетевой - способность государства действовать через гибкие и распределённые каналы взаимодействия. Эффективность «мягкой силы» возникает именно там, где инструменты не изолированы, а объединены общей логикой - формированием устойчивой лояльности, культурной привлекательности и символического признания [2]. Таким образом, «мягкая сила» реализуется как управляемая, институционально закреплённая технология нематериального влияния в международных отношениях.

Переход от декларативного уровня «мягкой силы» к её стратегической реализуемости требует формирования устойчивой институциональной базы. Инструменты и механизмы soft power выходят далеко за рамки культурных инициатив, представляя собой многоуровневую инфраструктуру влияния, включающую символическое производство, информационное посредничество и управляемую трансляцию ценностей. Институционализация в этом контексте приобретает не только правовой, но и концептуально-политический характер, так как она направлена на формирование механизмов долгосрочной культурной субъектности в международной среде.

Значимую роль играют образовательные механизмы, формирующие лояльные элиты через академические программы мобильности. Fulbright, Erasmus+, Chevening, MEXT и аналогичные инициативы выполняют не только когнитивную, но и аксиологическую функцию — экспортируя не столько знания, сколько модели мышления, аргументации и поведения [13]. Образование в этом смысле становится инструментом латентного убеждения, действующего в пространстве равноправных коммуникаций.

Отдельный пласт формируют медиатехнологии, в которых институционализация soft power приобретает сетевой характер. Международные каналы, цифровые платформы, дипломатические аккаунты в социальных

сетях и мультимедийные кампании становятся элементами глобального нарративного поля. Их эффективность определяется не только охватом, но и способностью формировать архитектуру доверия, обеспечивая ощущение подлинности и включённости в глобальные тренды.

Механизмы реализации soft power различаются в зависимости от политического устройства, ресурсов и цивилизационных кодов. В централизованных системах (например, Китай) они организованы вертикально и мобилизационно [16]. В условиях институциональной диверсификации (США, Великобритания) «мягкая сила» распределена между государственными и частными структурами, обеспечивая гибкость и адаптивность [13]. Между этими моделями располагаются гибридные конфигурации, характерные для Чехии, Казахстана и Южной Кореи, где влияние строится вокруг нишевой специализации и культурной идентичности.

Заключение и выводы. На основе проведённого исследования можно сформулировать следующие ключевые положения:

Современная «мягкая сила» представляет собой институционализированную систему влияния, в которой нематериальные ресурсы реализуются через агентства, образовательные программы, медиа и цифровые платформы.

Национальные стратегии демонстрируют разнообразие моделей soft power — от централизованных

до гибридных и нишевых, что отражает специфику политических систем и культурных приоритетов.

Наблюдается сближение soft и hard power в форме smart power, где привлекательность сочетается с управлением вниманием, цифровым воздействием и алгоритмическим сопровождением. Основной вектор развития — цифровизация и медиатизация влияния, требующие переосмысления методик оценки и новых инструментов стратегической коммуникации. Учитывая приведённые выводы, представляется целесообразным предложить следующие направления практических действий:

Странам постсоветского пространства, включая Узбекистан, необходимо разработать целостную стратегию «мягкой силы», опирающуюся на культурное наследие и образовательный потенциал.

Приоритет следует отдавать устойчивым гуманитарным форматам — культурным центрам, обменным программам, долгосрочным проектам.

Цифровая составляющая должна стать неотъемлемой частью soft power: мультязычные платформы, онлайн-кампании, визуальные продукты.

Важно вовлекать негосударственные субъекты — вузы, НПО, креативные индустрии — как носителей гибкости и инновационности в реализации стратегии.

Необходимо развивать научно обоснованные индикаторы эффективности «мягкой силы» с учётом цифровой метрики, охвата и символической устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакаева Т. А. Роль «мягкой силы» в международных отношениях // Вестник международных отношений и дипломатии. – 2022. – № 1(19). – С. 13–19.
2. Костюков П. А., Агапова Е. С. Политика «мягкой силы» России, Китая и Великобритании: аналитическое сопоставление // Международные отношения и мировая политика. – 2022. – № 5. – С. 54–66.
3. Мамаджонов А. А. Институционализация «мягкой силы» в странах Центральной Азии: сравнительный подход // Журнал политических исследований. – 2023. – № 4. – С. 92–101.
4. Назарова Н. Ш. Образование как фактор «мягкой силы» современного государства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 6. – С. 45–49.
5. Низамов А. М. Инструменты гуманитарного влияния как основа мягкой силы в Центральной Азии: контуры культурной дипломатии Узбекистана // Политологический альманах. – 2023. – № 2. – С. 40–46.
6. Рахимов И. И. Цифровая дипломатия и перспективы «мягкой силы» в эпоху ИИ // Геополитика и безопасность. – 2023. – № 4. – С. 25–32.
7. Ращенко В. В. Концепция «мягкой силы» Дж. Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Современные международные отношения. – 2022. – № 3. – С. 33–40.
8. Сагындыкова А. Е. Анализ концепции «мягкой силы» Чехии как инструмента внешней политики // Журнал международной политической аналитики. – 2021. – № 2. – С. 71–78.
9. Чебыкин Д. Д. Концепция «мягкой силы» в международных отношениях: теоретико-методологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 85–97.
10. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004.
11. Brand Finance. Global Soft Power Index 2023. – URL: <https://brandfinance.com/reports/global-soft-power-index-2023> (дата обращения: 15.04.2025).
12. Center for Strategic and International Studies (CSIS). How the U.S. Should Reinvent Its Soft Power. – URL: <https://www.csis.org/analysis/how-us-should-reinvent-its-soft-power> (дата обращения: 14.04.2025).
13. British Council. Cultural relations and the UK's role in the world. – URL: <https://www.britishcouncil.org/research-policy-insight/insight/cultural-relations-uk-role-world> (дата обращения: 15.04.2025).
14. USC Center on Public Diplomacy. What is Soft Power? – URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/page/what-soft-power> (дата обращения: 14.04.2025).
15. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan's Public Diplomacy. – URL: https://www.mofa.go.jp/policy/culture/public_diplomacy/index.html (дата обращения: 15.04.2025).
16. Confucius Institute Headquarters (Hanban). Official Website. – URL: <http://english.hanban.org> (дата обращения: 13.04.2025).
17. Korea Foundation. Annual Report 2022. – URL: <https://en.kf.or.kr/?menu=688> (дата обращения: 14.04.2025).
18. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный портал о гуманитарном сотрудничестве. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_issues/ (дата обращения: 15.04.2025).